М.И. КАДЕЕВА

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ РИТОРИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Значительным достижением современного этапа развития языкознания, вступившего на рубеже XX – XXI веков в «межпарадигматический период» [1], является признание широких возможностей философского, феноменологического, когнитивного, антропоцентрического, синергетического, металингвистического направлений научного поиска и допущение формирования в языковедческих изысканиях соответствующего понятийно-терминологического аппарата. Смена господствующей научной парадигмы формирует радикальный концептуальный переход от бытия к становлению, от стабильности к самоподдерживаемому развитию (sustainable development), поскольку исследуя проявления языковых феноменов в жизни, мышлении и действиях носителей языка, мы находим именно этот «посредующий мир» [2, 158-162], многие элементы которого начинают активно генерировать новые упорядоченные эволюционирующие структуры.

Наибольшим потенциалом эффективизации и оптимизации человеческого бытия и деятельности обладает язык (языковая коммуникация) как средство воздействия на личность. При этом своеобразие коммуникативно ориентированных установок и методов изучения языка как системы формально-содержательных корреляций, в отличие от прочих многочисленных направлений, основанных преимущественно на «традиционно-лингвистическом» фундаменте языковедения, который Фердинанд де Соссюр определял как предмет «внутренней лингвистики» (*langue*), обусловливается четкой установкой на несамодовлеющую ценность изучения языка, на развитие языковой (и рефлективной) способности личности в обществе. Однако, несмотря на то, что «надгробное слово» чистой лингвистике уже произнесено [3, 307], до сих пор нет убедительной собственно-лингвистической теории риторической нормы, которая была бы способна охватить слово во всем объеме его актуализаций в дискурсе и во всей глубине его внутренней формы, слово в его «внутреннем замысле». Накопленный в недрах классической лингвистики (И.А.Бодуэн де Куртенэ, В.Гумбольдт, Э.Бенвенист, Э.Сепир, А.А.Потебня, Е.Д.Поливанов, Л.В.Щерба, А.Ф.Лосев и др.) эмпирический материал, а также опыт исследования логических, социально-психологических и риторических парадигм, достигнув своей критической массы, способны стать прочной основой для интегративного представления языковых явлений, реализуемого «не в эклектическом сочетании», а при «как можно более разнообразных “углах зрения” на изучаемый объект» [4, 5], выработки адекватных подходов, методов, метаязыка анализа феномена риторического слова, обладающего значительной объяснительной силой. Для продуктивного синтеза накопленных знаний необходим поиск того «болевого нерва», который дал бы возможность, основываясь на высоких достижениях фундаментального языковедения, онтологически адаптировать и связать разные подходы к целям лингвистического описания феномена риторической нормы.

Исследовательские интенции, активизирующие поиск концептуальных установок и верификационных процедур, отвечающих современным методологическим приоритетам, распространяются на идентификацию и систематизацию онтологических и метаязыковых признаков риторической нормы. В выдвигаемых разными авторами концепциях слова проявляется стремление понять слово во всем «объеме человеческой мысли», исходя из внутренних оснований языковой личности. Это стремление проникнуть в то «средостение, где мысль входит в сцепление со словом» [5, 37]; при этом утверждается некий имманентный онтологический ментальный конструкт, который определяет всю речемыслительную деятельность языковой личности («внутренние основания», «зажигающее жизненное начало», «внутренняя сила» у В. фон Гумбольдта; «собственные начала» у К.П.Зеленецкого; «психические обертоны» у американского философа и психолога Уильяма Джеймса; «внутренний органон» в общей концепции духовной практики у С.С.Хоружего). Совершенно очевидно, что речь идет о рефлексии, актуализующейся в процессе коммуникации в виде направленных энергийно-смысловых векторов сознания и действующей в пределах фундаментальных предикатов сознания или горизонтов сознания. В свою очередь, изучение процесса коммуникации обнаруживает неизбежную связь с ментальными процессами, специально разрабатываемыми в русле когнитологии. Когнитивно-коммуникативная направленность исследований процесса общения ставит своей целью проникновение в «скрытые» механизмы, регулирующие бесконечное многообразие уникальных коммуникативных событий. Будучи сравнительно «молодым», это научное направление, во многом адаптировавшее наследие классической риторики, уже накопило определенный опыт в изучении процесса общения, который может быть использован для обновления риторической системы. Как отмечал Вильгельм Гумбольдт, сущность мышления состоит в рефлексии, и «язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии», когда человек пробуждается к самосознанию [5, 301-302]. Многогранный спектр «собственных начал» ментально-рефлексивного аппарата языковой личности побуждает включить риторику как одну из коммуникативных наук в число языковедческих дисциплин коммуникативно-функционального, прагматического цикла, что делает чрезвычайно сложной проблему исследования, анализа и адекватного описания риторической нормы.

Теоретический фундамент риторической системы, сложившейся в основных чертах еще в эпоху античности (Аристотель, Цицерон, Квин-

тилиан), строится на антропологическом подходе к речевой способности, которая рассматривается как естественная способность человека (natura), совершенствуемая посредством обучения (ars, doktrina) и опытом/упражнением (exercitatio). Для построения риторической системы необходима норма, с которой связывают «поисковые» категории («топика»), позволяющие ориентироваться в возможных аргументах относительно подходящих к случаю лиц и проблем: «В риторике под «топосом» понимается особый прием общения, который имеет значение нормы, референтной для общающихся» [6, 5]. Отдельные топосы представляют «набор общепризнанных понятий, служащих для описания мира. Это описание должно быть систематическим и непротиворечивым. Эти общие места Аристотель назвал «категориями» и дал их исчерпывающий перечень и разработку содержания. Для речей ораторских <...> Аристотель применил дополнительно категорию топов (общих мест) и дал сводное описание топики <...> Топов у Аристотеля много, но все они опираются на то, что потом стали называть здравым смыслом» [7, 29, 185]. «Система общих мест складывается в процессе аргументации и существует как составная часть ее. Общие места аргументации определяются и устанавливаются не априорно, исходя из тех или иных частных философских воззрений или интересов, но открываются эмпирически историческим анализом аргументации в определенной культурной общности. Факт существования и объективной значимости иерархии топосов представляется непреложным, так как только на основе онтологически и исторически укорененных норм возможно устойчивое развитие общества» [8, 23]. Топосы выстраиваются в иерархию, ср. построенную А.А.Волковым иерархию топосов из 39 позиций 10 уровней: религия, наука, искусство, право, нормативная история, общественная мораль, состояние общества; задачи национально-культурного строительства, личный авторитет; политическая система, общественное мнение) [там же]. Однако отдельные позиции такой иерархии у коммуникантов в отношении своей ценности могут не совпадать, поскольку сама иерархия адаптируется к личным интересам и потребностям коммуниканта. В современных условиях «общие места» риторики не являются общими, если над ними не надстраивается какой-нибудь организующий принцип, «обязывающий» принять равную ценность топоса для коммуникантов. Тем самым нормирующий характер риторических топосов самостоятельностью в общении не обладает.

Сложность определения оснований нормы является следствием отношения к норме коммуниканта: либо коммуникант руководствуется нормой, либо он «руководит» нормой, приспосабливая ее для достижения своих личных целей. Между этими крайностями выстраиваются многообразные «смешанные» варианты риторической модели, характеризующиеся одной из этих тенденций или находящиеся на «экваторе», т.е. не определившиеся, в каком направлении следует идти. Риторическая программа основывается на том или ином понимании эффективности взаимодействия. Существование правил общения, нормы общения и его эффективности как критерия оценки результативности взаимодействия составляет элемент коммуникативной компетенции человека. Представления о правилах, норме и эффективности общения являются центральными при построении любой риторической системы.

Исследование риторической нормы в рамках проявления языка как динамического целого [9], как *langage* (по В. фон Гумбольдту, *energeia* или *Erzeugung* [5]), признает существенным и при этом не упускаемым из виду моментом представление языка как *langue*, но рассматриваемого в качестве локализованного в языковом сознании индивида [10, 16-19, 24] «материального объекта» [11, 16-18], как «психофизиологическую речевую организацию» человека [9, 25], его языковой личности [12; 13], уровень развития которой, следовательно, в известной мере обусловливает уровень развития самого говорящего, его способность к деятельности и коммуникации (ср.: «Дар речи даже не какая-то одна из человеческих способностей рядом со многими другими. Дар речи отличает человека, только и делая его человеком. Этой чертой очерчено его существо. Человек не был бы человеком, если бы ему было отказано в том, чтобы говорить...» [14, 259]; «...Языки представляют собой первую и необходимую ступень, отталкиваясь от которой народы оказываются способными следовать высшим устремлениям» [5, 67]). Такая постановка вопроса выводит на первый план свойство языка быть средством и системой средств общения, притом что «признание языка как средства общения дает основание рассматривать язык в его

единственной функции, а именно в функции коммуникации, представляющей собой действительно сложное интегрированное явление, в котором интегрированы все свойства языка, обнаруживаемые в процессе обслуживания им жизни человеческого сообщества на всех этапах его развития» [15, 3].

Признание конструкта рефлексии в качестве ключевого онтологического фокуса феноменологической модели внутренней формы слова и, соответственно, метаязыка анализа позволяет понять слово в его внутреннем замысле и во всем объеме представлений в языковой (речевой) и коммуникативной компетенции индивида. Рефлексивная компонента (рефлексема) признается онтологической составляющей слова. Феноменологическая сущность слова являет себя через внутреннюю форму слова, представляющую собой (мета)смысловую матрицу определенной конфигурации, состоящую из векторов фундаментальных предикатов сознания (рефлексивные векторы) человека, актуализованных в момент соорганизации мысли и слова. Динамическое становление мысли в слове и слова в мысли в процессе коммуникации предполагает формирование специфических «пучков» рефлексивных векторов, адекватных каждой конкретной ситуации, которые и составляют функциональную (мета)смысловую матрицу. В матрице, представляющей собой «качество моего способа видения мира» [16, 347-348], отражается вся совокупность мысленных представлений языковой личности относительно мыслимого предмета. В спонтанной языковой практике носители языка оперируют (мета)смысловыми матрицами, или определенными текстами сознания, интуитивно или на основе интерпретации полученных представлений. О возможности «разом схватить все употребление слова» писал Людвиг Витгенштейн, представляя его как «непосредственное моментальное понимание» [17, 158].

Являясь сложнейшей самоорганизующейся системой, языковое сознание осуществляет непрерывные и разнообразные трансакции по соорганизации мысли слова, и «линейно развертывающаяся речь оказывается своеобразной знаковой моделью деятельности сознания» [18, 74]. Становление мысли в слове (и наоборот) предполагает движение рефлексии в смыслах и к смыслам («энергийно-смысловая подвижность», по А.Ф.Лосеву), т.е. синергию мысли и слова. Синергетический («синергетическое движение в языке») подход к проблемам риторики позволяет ввести в лингвистическую парадигму категории динамики, интенсивности и энергии – энергии мысли и энергии смыслового становления. Использование терминологического и понятийно-концептуального аппарата синергетики в лингвистических исследованиях в качестве метаязыка анализа различных риторических актуализаций в дискурсе позволяет понять и описать живое слово дискурса в его разнообразных спонтанных, случайных и стохастических проявлениях.

Синергетический стиль мышления позволяет перестроить лингвистическое мировоззрение и идеологию лингвистики, открыть новые стороны и явления языка и слова, «снять некие психологические барьеры, страх перед сложными системами» [19, 83-85]. Господствовавший до сих пор линейный одномерный подход оказался не в состоянии объяснить сложный и многообразный мир языка и необыкновенное разнообразие, изощренность и глубину риторических актуализаций в различных ситуациях дискурса, всю сложность, открытость к изменениям, смысловую неопределенность, динамику и диалектику языковых и риторических структур дискурса. Синергетическое видение мира, формируя переход от эволюции к коэволюции, взаимно согласованной эволюции различных сложных систем, позволяет существенно расширить горизонты и перспективы лингвистического анализа дискурсных явлений и обратиться к изучению «дополнительных синергетических «подробностей», которые ранее выносились за скобки, включая сферу неустойчивого в поведении системы» [20, 54].

Без расширения лингвистической парадигмы применительно к живой стихии языка дискурса невозможно объяснить многие нестандартные, оригинальные речевые актуализации, где имеют место разветвление смыслов, неустойчивые смыслы, рассеивание смыслов, возникновение новых смысловых качеств. Как отмечает Бранко Тошович, «в исследованиях языковых отношений лингвисты идут по проверенным путям, создавая шаблон в мышлении и их представлении», поэтому необходимо выйти из шаблона, своеобразной «языковой тюрьмы», «сменить теоретические очки» и «вступить в запутанный и трудно осознаваемый мир корреляций» [21, 324] с широким спектром синергетических параметров (энтропия, бифуркация, флуктуации, моменты и ре-

жимы обострения, аттракторы, репеллеры, диссипация, фрактал, хаос). Объектом лингвистики должно стать слово в контексте внутреннего (ментально-рефлексивного) мира языковой личности с ее открытым нелинейным мышлением.

Таким образом, одной из самых четко обозначенных ориентаций современной риторики, имеющей прямое отношение к конвенциональности, является языковая норма. Однако практическая коммуникация свидетельствует о том, что прямой зависимости между языковой нормой вербального общения и его эффективностью не наблюдается: норма может одинаково сопровождать (не)успех общения, так же, как и нарушение нормы. Общее направление развития интегральной теории языка связано с исследованием спектра возможных путей постижения внутреннего потенциала риторического слова (внутренней формы слова) и ментально-рефлексивных механизмов формирования (мета)смысловых матриц слова. Именно рефлексивный конструкт, являющийся «болевым нервом» всей системоречемыследеятельности индивида, позволяет связать воедино философские, феноменологические, синергетические и другие металингвистические аспекты и подходы к теории риторической нормы. Лингвистика «внешних форм», которая, по определению В.В.Виноградова, «без всякой философии» [22] не связана с законами и принципами становления мысли в слове в сознании языковой личности, должна уступить место лингвистике «внутренних форм». (Мета)смысловой анализ внутренней формы слова в рамках синергетической парадигмы составляет сущность феноменологического описания риторического слова, обеспечивая функционирование языка как открытой нелинейной саморазвивающейся системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов Ю.С.* Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С.7-34.

2. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А.Радченко. М.: Изд-во МГУ, 1993. 224 с.

3. *Леонтьев А.А.* Надгробное слово «чистой» лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М.: Филология, 1995. Т.2. С.307-308.

4. *Залевская А.А.* Интегративный подход к анализу языковых явлений // Психолингвистика и социолингвистика: состояние и перспективы: Мат. Междунар. конф. Алматы, 2003.

5. *Гумбольдт В. фон.* О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избр. труды по языкознанию. 2-е изд. / Общ. ред. Г.В.Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. С.37-298.

6. *Маров В.Н.* Похвальное слово «общим местам» // Риторика. М.: Лабиринт, 1996. №3. С.5-23.

7. *Рождественский Ю.В.* Теория риторики. М.: «Добросвет», 1997. 600 с.

8. *Волков А.А.* Строение и смысл риторического аргумента // Риторика. М.: Лабиринт, 1995. №1. С.15-24.

9. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.24-39.

10. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1999. 296 с.

11. *Скребнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.

12. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. … д-ра филол. Наук. Л., 1984. 31 с.

13. *Богин Г.И.* Противоречия в процессе формирования речевой способности: Уч. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. 84 с.

14. *Хайдеггер М.* Путь к языку // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.259-273.

15. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 240 с.

16. *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Культура», 1993. 352 с.

17. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Сост. М.С.Козловой. Ч.1. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. 520 с.

18. *Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.

19. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С.80-106.

20. *Кияценко Л.П.* Синергетика обобщенных представлений // Онтология и эпистемология синергетики. М.: ИФРАН, 1997. С.50-68.

21. *Тошович Б.* Язык в конфликте // Проблемы языковой жизни в Российской Федерации и зарубежных странах. Мат. к XIII Всемирн. конгрессу социологов (Германия, Билефельд, 18-23 июля 1994 г.). М.: Доминант, 1994. 200 с.

22. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Резюме

Лингвистика пәніне көзқарастың едәуір кеңеюі риторикаға сөйлеу коммуникациясының қазіргі теориясына барынша жақындығын байқататын «сендіру өнері» ретінде жаңа қызығушылық тудырады. Коммуникацияға қарағандағы факультативтік функциясын орындау нәтижесінде риторикалық норма сөйлеу қатыстарының тиімділігін арттыруға тиісті.

Summary

Rhetoric as an art to ‘make someone believe’, being extremely close to the modern theory of speech communication, caused an acute interest provided by the significant increase of knowledge in Linguisitcs as a discipline. Rhetoric norm is to promote the communication efficiency rising, for it fulfils an additional function towards communication.